

Я сидел молча, думал, глядя на длинный тонкий стилет, сверкающий острым клинком. Потом встал, поднял его и уверенно направился к отцу.

— Ты что, сынок! — прошептал он в ужасе, выкатив глаза. — Одумайся, не выпускай зверя наружу.

Я стал перед ним на колени, сжимая стилет.

— Смотри, папа. Ты ведь хочешь этого?

Я не мог сделать это медленно, как показывают в кино, у меня просто не хватило бы духу. Потому я очень быстро полоснул себе по венам и, стиснув от боли губы, так же быстро поднес руку к его лицу. Я боялся, что через мгновение уже не смогу этого сделать. Отец отпрянул, отвернулся, словно я сунул ему в лицо факел. Но, видимо, я оказался прав: он хотел этого. Помедлив, он жадно припал к моей руке, на эти мгновения утратив все бывшее, предаваясь тому новому, что переполняло все его существо. Я сжал зубы и отвернулся. А потом, не теряя времени, я наклонился к его связанной руке и тоже полоснул по ней стилетом. Несколько секунд смотрел на порез. Отвращение и страх душили меня, мне вдруг захотелось вскочить и убежать. И все же

я нашел в себе силы и сделал пару глотков. Потом разрезал ремень и бросил стилет.

Отец медленно приходил в себя. Сначала он долго смотрел на меня невидящим взглядом, как бы насквозь. Потом его взгляд столкнулся с преградой, и он узнал меня. Еще немного погодя до него стало доходить, что, собственно, произошло.

— Теперь во мне снова течет твоя кровь. Я остаюсь твоим сыном, — сказал я и придвинулся к нему. Отец обнял меня, прижал к груди.

— Эх, сынок!.. — только и сказал он, тяжело вздохнув.

В коридоре застучали шаги.

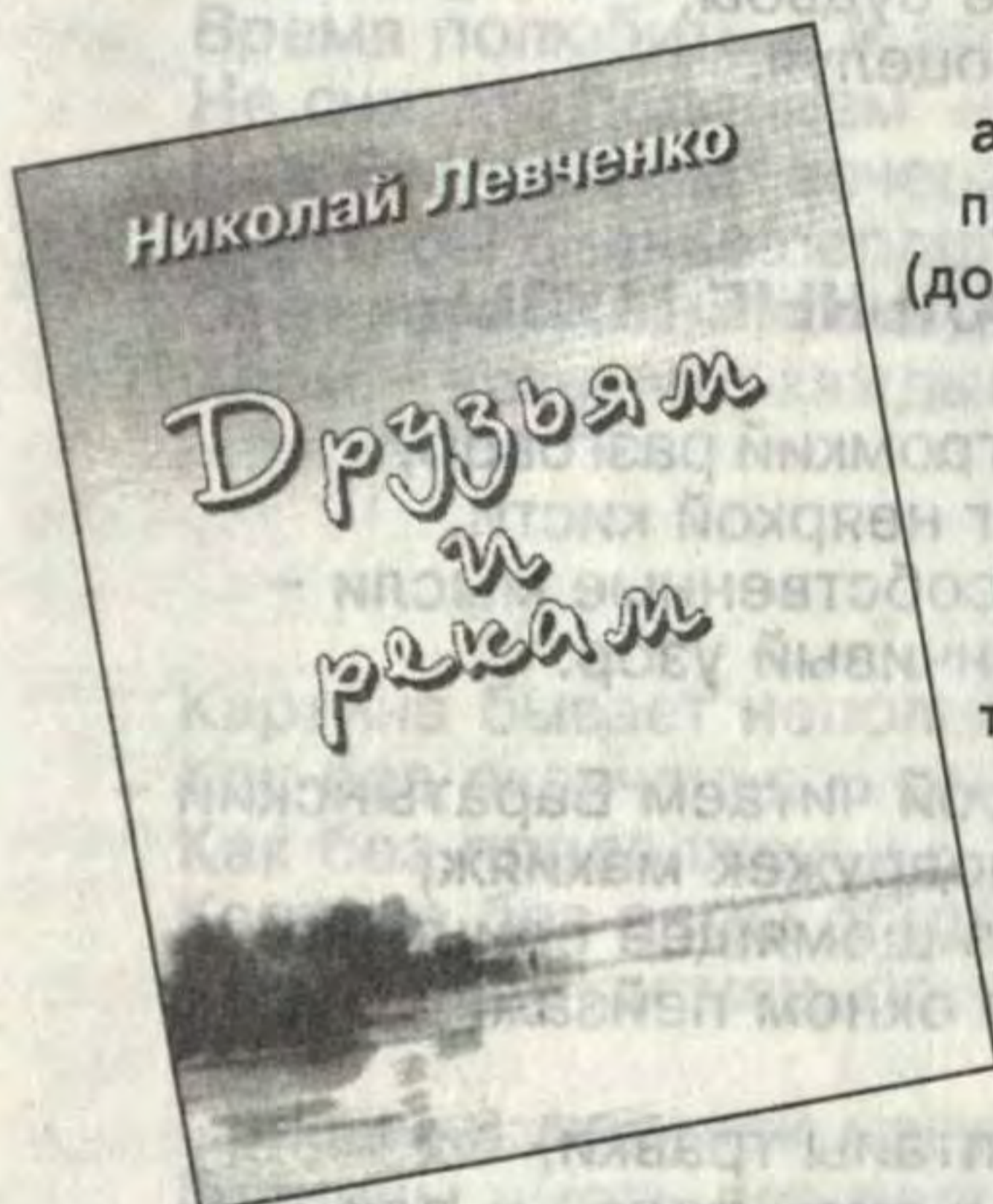
— Ну что, вскрываем Костину дверь? — услышался знакомый голос.

Оконное стекло со звоном осыпалось как раз в тот момент, когда в номер ввалились охотники. Отец спрыгнул на землю, подхватил меня с подоконника — и мы побежали.

— Твари!.. Черт, я же говорил!.. — донеслось из окна.

Но преследовать нас в ночной темноте они не решились.

Николай Левченко

Николай Романович Левченко — преподаватель Амурской медицинской академии. Давно увлекается живописью, пишет маслом и акварелью. А в прошлом году неожиданно выпустил сборник стихов «Друзьям и рекам» (до этого нигде не печатался). Книга вышла в авторском оформлении — и стала одной из лучших художественных книжек последних лет, выпущенных компанией «РИО» и ПКИ «Зея».

Стихи очень своеобразные — в такой манере у нас в области, пожалуй, никто не пишет. Своей неторопливой интонацией, пристальным взглядом на природу и на человека в ней они заставляют вспомнить о традициях Баратынского, отчасти Заболоцкого. Речь не о подражании, а именно о традициях. Новый голос заявил о себе в поэтическом Приамурье — и в одноименном альманахе, спешим добавить мы, публикуя новые стихи Левченко, не вошедшие в книжку «Друзьям и рекам».

ОСЕННИЕ ЭЛЕГИИ

1.
Не наступает осень сразу,
А незаметно, постепенно, —
Сначала ставит астры в вазу,
Потом, едва заметно глазу,
Меняет их на хризантемы.

Лишь первых заморозков проседь
И листьев рыжие ожоги
Нам скажут: все, беспорна осень.
Но бабье лето вновь попросит:
Не время подводить итоги.

...Уходит мир, привычный глазу,
Ветшают в старом доме стены,
Сначала вянут астры в вазе,
Потом завянут хризантемы,
Но — долго постояв, — не сразу.

2.
Пронзительность — вот ключевое слово
К замку осенних настроений:
Что было непонятно, ново, —
Пронзает взгляд без затруднений.
Так виден до конца другого

Полупрозрачный лес осенний.
Прозрачны будущего тропки,
Прозрачны прошлого секреты,
И каждый шаг свой неторопкий
Понятен. И пронзает это.

3.
Сентябрь. Друзей не выбирают,
Ни стран, ни вер, ни сыновей, ни дочек,
Еще в июне или мае
Срок выбора давно закончен,
И — сумма прописью, и — прочерк.

О Боге говоря, мы пили пиво,
Смущая кой-кого, а, может быть, и всех,
Не думая о том, что это некрасиво,
И, более того, что пиво с Богом — грех.

Грешно упоминать Господне имя всеу.
Ах, как не знать о том, — так мы ж без суеты

Евангелий историю простую
Обдумывали вслух для простоты.

Полупрозрачный смысл – Евангельские притчи, –
В них вроде ясно все – и все ж не видно дна,
Их каждый примерял к своим поступкам личным –
Порой в том были смысл и глубина.

Ах, тот ли верит, кто, вдруг вспомнивши о Боге,
Глазами – в потолок, иль, закатив глаза,
Лицу придавши вид торжественный и строгий,
Глядит на небеса – как будто в образа.

Но мы, лишённые закваски фарисейской,
По-детски веселы, и весел с нами Бог,
Который ниспослал нам этот стол простецкий:
И пиво, и арбуз, и покупной пирог.

Мы пиво это пьем, и шутим, и хохочем,
И что ни захотим – ничем не нагрешим,
Ведь Господа люби – и делай все, что хочешь,
Махнув рукой, сказал Блаженный Августин.

А до него еще, горячий и речистый,
Апостол Павел так писал в письме:
Позволено мне все: ведь чистому – все чисто,
Но (важная деталь!) – не все полезно мне.

Все славно с Господом, все славно – даже пиво,
Не потому ли заполночь уже
Вдруг ни с чего так сделалось счастливо,
Как в литургию – чисто на душе.

* * *

...Есть у судьбы поворотные дни –
Редкие, как острова в океане, –
Мимо которых проходим в тумане,
Не замечая, что рядом они.

Есть у судьбы припасенные встречи –
Как среди шорохов чистые звуки,
Встречи – как нас возносящие руки,
Встречи – крылами продлившие плечи.

Есть у судьбы припасенное слово,
Что заполняет собой многоточья, –
И появляется в стройности строчек
Смысл бытия, удивительно новый.

Видимо, будущность наша хранит
Многие, ныне сокрытые тайны,
Что открываются как бы случайно
В наших судеб поворотные дни.

СОН

Был серый день и серый тусклый вечер,
Но ночью в утешенье снился сон:
В нем среди мрака все горели свечи
И отражались в золоте икон.
Сгорали, гасли, зажигались снова
И пламени цветные мотыльки
Из воска пили свой нектар медовый,
Хотели улететь – и не могли.
А догорев, летящей стружкой дыма,
Голубоватой или золотой,
Писали в воздухе старинные картины
Как боговдохновенной кистью, той,
Чьи Рембрандта рука секреты знала,
Когда из первозданной темноты
По воле Божьей, видно, воскрешала
Ушедших лиц библейские черты.
... Так в храме каждый день, не ведая корысти,
Перед иконами сгорая каждый миг,
Свечей горящих огненные кисти
Пусть хоть на миг, но превращают в лик
Сюда пришедших замершие лица,
И, повторяясь, миг тот длится, длится...

Сиреневым рассветным перламутром
Приоткрывалась раковина дня,
И солнечной жемчужиной округлой
С надеждой новой восходило утро
Для всех людей и, значит, – для меня.

ЧЕТЫРЕ СТАНЦИИ ЛЮБВИ

Четыре станции любви.
В названье первой – Моховая –
Звучало: юная, шальная,
И лыжи с гор, и крик «Лови!»,
И в поцелуе вкус «Токая».

Вторая станция была
С весенней зеленью во взоре, –
Черемух белых Белогорье, –
Там пахли губы и слова
Черемуховым белым морем.

А третья – то была отрада
Средь летней духоты житейской.
Ждала на станции Призейской
Реки и мокрых губ прохлада,
И сосен шепот чародейский.

Четвертой – той давно уж нет, –
Разъезда за большой рекою,
Где были осенью с тобою.
Там тальниками пах рассвет,
А губы – мятой полевою.

И тихо: Господи, храни! –
В окно вагонное шепчу я:
Четыре станции любви,
Четыре женские судьбы,
Четыре вкуса поцелуя.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МУЗЫ

Провинциальных муз негромкий разговор,
Небыстрое перо, пробег неяркой кисти,
Не Бог какие весть, но собственные мысли –
Народного шитья застенчивый узор.

Здесь дочкам вслух порой читаем Баратынский –
И им уж чуть смешон подружек макияж,
Когда сошлись в душе в щемящее единство
И книжка на столе, и за окном пейзаж.

А посреди села повытоптаны травки,
И каждый вечер вновь, в виду полей и рек,
Под крышею одной, как бы на очной ставке, –
Бесчинства дискотек и тишь библиотек.

Здесь звезды так близки, как ночью в Галилее,
И те же петухи в предутреннюю рань,
Ведь Галилея та казалась иудеям
Синонимом другого слова – глухомань.

Чем дальше от столиц, тем больше постоянства,
Наивней доброта, бесхитростней вранье,
Бесславней нищета и откровенней пьянство –
Славянского ума в тумане воронье.

Местами все ж чисты российских рек истоки,
Из коих воду пьют, уставши на пути,
Безвестные пока мессии и пророки,
До срока не спеша из этих мест уйти.

Но, пораздав родне положенную плату
И молча оглядев родную благодать,
Идут в Иерусалим, хоть знают – быть распяту,
Но просто там слышней, и есть о чем сказать.

... И мало званных в пир, и избранных – не густо,
Но велика земля, и все же ей родить.
Провинциальных муз прядильное искусство –
Вся сплошь из узелков серебряная нить.

* * *

Храм – часы, что невпопад звонят,
 Городу почти непостижимы
 Их сокрытые колеса и пружины,
 Заведенные века тому назад.
 Для кого – для стариков, бродяг,
 Для бездельников, чье безразлично время?..
 Тают звоны в небе постепенно,
 Будто только с небом говорят.
 Утро Города – работы да заботы,
 Что ни вечер – мысли тяжелей,
 И дурная бесконечность дней –
 Словно черных дыр водовороты.
 Будто кто железный, неизвестный
 Вечно шпорит времена вперед
 И времен разлаживает ход
 В толчее безумно-бесполезной.

В том ли цель, чтобы быстрее жить,
 Или говорить, борясь с одышкой,
 Наспех превращать дела в делишки
 И в мыслишки долгих мыслей нить?
 Кто кого услышит на бегу
 Или спросит – и не ждет ответа...
 Я хотел уметь бы делать это –
 Да вот, слава Богу, не могу.

Может оттого, что возраст тот,
 В коем каждый час весом и сладок, –
 Выпадать из времени в осадок
 С каждым днем все более влечет.
 Не спешить, да пристальней смотреть,
 С тем, кто дорог, всласть наговориться,
 И цветов изменчивые лица –
 Как и просто лица – лицезреть,
 Делать то, к чему лежит душа,
 И, как лучшее из всех земных дарений,
 Время полюбить – и это время
 Не считать подобием ножа.
 Над Евангелием вечера подряд,
 Будто бы биенье сердца, слышать
 Этот звук, к нам приходящий свыше...
 Храм – часы, что каждый день звонят.

* * *

Картина бывает неполной без рамы,
 Как без окончания – семейные драмы,
 Как без продолженья – любовный роман.
 Картина без рамы обидна и странна –
 Как рваный карман, опустевший стакан...
 Привычки людской непремное свойство –
 Границы иметь для родства и сиротства,

Границы квадрата и, реже, овала
 Чертой обвести, одолев беспокойство,
 И дальше зажить – но как будто сначала.

В домах деревенских, особенно ране,
 Любовно хранились в бесхитростной раме
 Родни фотографии – судеб осколки, –
 В единой и стройной семье панораме.
 Без рамы они бы пылились без толку.

Все дни мои, словно по сосенке с бору,
 В старинную раму вмещает мой город.
 Где – без позолоты, а где – с позолотой,
 Прошедшего там запечатаны соты...

Квадраты кварталов – квадратики фото –
 Запечатлели когда-то, кого-то,
 Далекие годы, далекие лица, –
 Для летних ночей, когда спать неохота,
 Для зимних ночей, когда чудное снится...

И можно тому лишь во сне улыбаться.
 Как славно – родиться, прожить и остаться
 В одном, для тебя предназначенном месте,
 И в памяти чьей-то сюда возвращаться,
 В свой город – с названием блага и вести.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Где начинается весна?
 – В Сочельник тихий Рождества,
 Когда под раннюю звезду
 Искрится снега белизна, –
 Там начинается весна.

Где начинается весна?
 – Где день весенних равноденствий,
 Где первых жаворонков песня
 На Благовещенье слышна, –
 Там начинается весна.

Где начинается весна?
 – На день Христова Воскресенья,
 Где Пасхи воздухом весенним
 Очнулся мир от смерти сна, –
 Там начинается весна.

И, каждый раз, там, где мы вместе, –
 Там жаворонков доброй вестью
 Наполнена голубизна,
 И словно сами мы воскресли,
 И – начинается весна.